

Подводя итог рассуждениям о жанровой разновидности рассказа «Бобришный угор», можно отметить его близость именно к жанру прозаической поэмы, объединяющей в себе два начала: лирическое и эпическое, – поэмы о Яшине, о времени и о себе.

Литература

1. Аксаков. К.С. Литературная критика / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. – М.: Современник, 1981.
2. Белов, В.И. Бобришный угор / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 1.
3. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
4. Меньшиков, В. Предисловие. Поэт жизни действительной / В. Меньшиков // Белов В. Повести и рассказы. – М.: Худож. литература, 1984.
5. Яшин. А.Я. Из трех книг. Стихи / А.Я. Яшин. – М.: Сов. писатель, 1976.

Л.Н. Вересов
г. Череповец

СТРАСТИ ПО ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПЛОТНИЦКИЕ РАССКАЗЫ» (архивная история 60-х годов XX века)

Впервые повесть «Плотницкие рассказы» была напечатана в седьмом номере журнала «Новый мир» за 1968 год, а затем в виде отдельной книги ее выпустило Северо-Западное книжное издательство. Печаталась она в Вологде, в областной типографии. До читателя дошла годом позднее. Ее объем равнялся 8,2 печатного листа, тираж составлял 30 000 экземпляров. Редактировала рукопись В.К. Лиханова, оформлял издание художник Б.И. Шабасев. Естественно, новая книга, уже тогда широко известного писателя, быстро разошлась, ее с удовольствием покупали и читали. В рассказах о вологодской деревне и ее людях чувствовалась боль и горечь, в то же время их оживлял неповторимый деревенский юмор, характеры персонажей были узнаваемы, язык прост и художественно выразителен одновременно.

Вокруг этой книги В.И. Белова, как недавно и вокруг «Привычного дела», началась идеологическая возня. В.И. Белов, автор уже не новый для Северо-Западного издательства, по установленным правилам подал заявку на новую книгу заранее, не позднее конца 1966 – начала 1967 года. Рукопись, как полагалось, была одобрена Вологодской писательской организа-

цией. А.А. Романов писал в своих воспоминаниях: «А в Вологде Василий Белов создавал рассказ за рассказом, один лучше другого <...> Так же быстро возникли у него «Плотницкие рассказы» с новыми в литературе сложными типами Олёши Смолина и Авенира Козонкова <...> Ни у кого кроме Белова не обнаружилось того глубинного зрения, того вседушевного понимания, что в этих характерах заложено так много национальных черт» [3, с. 187–188]. (Эти слова Романова относятся к повести «Привычное дело», но их можно распространить на все произведения писателя.) Большинство рассказов Василия Белова, вошедших в книгу, публиковалось ранее в разных газетах и журналах. На стадии прохождения рукописи через издательский цикл он продолжал работу над текстом. Частично это происходило по воле самого автора, частично поправки вносились по требованию издательских работников, стремившихся учесть требования цензуры. В.И. Белова вынуждают убирать особо острые фразы и суждения. Автор не всегда поддается давлению, идя на уступки и обеспечивая тем самым книге возможность выхода в свет. Он считает необходимым сохранить общую негативную оценку Сталина, руководства страны, коллективизации, безрадостной жизни жителей деревни, наполненной тяжелым ручным трудом. Эта оценка вытекает из рассказов персонажей, которые являются живыми свидетелями жизни села первой половины и середины XX столетия. Им на долю выпали тяжелейшие испытания, но их жизненная энергия, оптимизм, трудолюбие, юмор помогают перенести лихие времена и политические веяния.

Старший редактор Северо-Западного издательства Вера Константиновна Лиханова писала В.И. Белову в процессе подготовки рукописи к печати: «Очень хорошо, что работа по дошлифовке “Плотницких рассказов” Вами уже проделана»¹. Это говорит о том, что рукопись Белову отправлялась на доработку. Вернее всего, это произошло после получения издательством рецензии на рукопись книги от Виктора Андреевича Чалмаева, зам. главного редактора журнала «Наш современник», члена правления СП РСФСР. Рецензия была довольно суровой, хотя и не отрицающей достоинств произведения. Надо сказать, что просьба о контрольном рецензировании рукописи Белова исходила от самого издательства, и Виктор Чалмаев рецензию писал по его просьбе. К чести Веры Лихановой, она информировала Василия Белова о рецензии Виктора Чалмаева и, возможно, даже высылала ему текст неприятной для авторского самолюбия рецензии. Полный текст рецензии отсутствует в Архангельском архиве, но некоторые ее принципиальные моменты можно восстановить по другим источникам:

¹ ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 83. С. 134.

«На двух страницах изложен фактически узловый момент коллективизации (с появлением Сталинской статьи “Головокружение от успехов”) и изложен, конечно, упрощенно, бегло. Если бы автор затем как-то пояснил суждения героя, дополнил, внес всестороннюю ясность в этот вопрос <...> Этого нет, а потому мы остаемся на уровне бытового осмысления истории. Лучше уж и не вытаскивать большие имена и конкретно – политические оценки, если нет анализа истории. Беглый тон, спешка, торопливость вредят, они разжигают интерес к трагическим событиям, а ответа – и ответа верного, полного – не дают <...> Где-то необходимо было яснее сказать о перегибчике Табакове, как о человеке, вносящем в решение партии свои мстительные анархистские настроения, упоение властью. Действительно, Федуленок – это жертва во многом лично Табакова и Козонкова <...> Главным содержанием повести Вас. Белова я тоже считаю сами характеры Олёши, Авинера и др., заключающие в себе всю глубокую любовь автора к деревенскому люду, к земле, к делам народа во имя Родины. А те немногочисленные и мимолетные иногда построчные обобщения, броские и хлесткие порой оценки Сталина и другой фигуры (таких строк 2–3 на всю повесть) мне кажутся не очень существенными для повести, они легко снимаются <...> Характеры же Олёши Смолина и Авинера Козонкова одно из новых достижений всей нашей прозы <...> Для меня нет сомнений в том, что по художественной силе эти характеры, сама повесть после публикации явятся новой яркой страницей русской современной прозы...»². А вот фрагмент из записки В. Лихановой «Называя В. Белова фигурой первооткрывательской в отражении вологодской деревни в художественной прозе, В. Чалмаев рекомендовал в своей рецензии издательству занять по отношению к этому автору “доброжелательную и взыскательную позицию, чуждую всякой подозрительности и безосновательной робости”. Этой позиции я и старалась придерживаться при редактировании рукописи “Плотницкие рассказы” В. Белова». Редактор Лиханова ставит Белова в известность о поступившей в издательство рецензии Чалмаева, и они по каким-то вопросам находят с писателем приемлемый для обеих сторон компромисс³.

Оформление книги было поручено художнику Б.И. Шабаеву, который работал над первой книжкой стихов Н.М. Рубцова «Лирика». Согласно документу ему полагалось за работу над «Плотницкими рассказами» 170 рублей (хорошие по тем временам деньги за обложку и один рисунок на титуле). Гравюры у художника вышли душевные и тематически соответствующие книге Белова. Итак, общая оценка книги Чалмаевым положи-

² Выписки из объяснительной записки В.К. Лихановой (ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 97. С. 3–7).

³ ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 83. С. 215.

тельная, Лиханова довольна тем, что Белов от чего-то отказался, что-то смягчил, работа художника оценена положительно, рукопись корректором вычитана. Книга получает добро от директора издательства Пономарева на печать. Но вдруг кому-то приходит в голову мысль: а ведь так писать о коллективизации нельзя, авторитет Советской власти может пострадать. И ведь Чалмаев об этом предупреждал... В 1968 году, когда книга Белова увидела свет, культ личности Сталина, ранее осужденный на XX и XXII съездах КПСС, стал как-то исподволь вновь обретать сторонников. Партийные функционеры начали осознать, что, развенчивая вождя, они тем самым наносят урон и авторитету всей советской страны. Следовало соблюдать большую осторожность в оценках, в суждениях – особенно в печати. И книга Белова, уже поступившая в продажу подверглась жесткой критике. Прежде всего досталось руководителям Северо-Западного книжного издательства.

20 января 1969 года в адрес Северо-Западного книжного издательства от зам. начальника Росглавиздата В. Казакова, пришло уведомление о том, что ему направлены замечания о редакции книги В. Белова «Плотницкие рассказы». Их предлагалось обсудить в коллективе издательства, а о принятых мерах сообщить⁴. Это была строгая по тону и сути бумага, после которой своих кресел могли лишиться многие руководящие работники издательства. Замечания были написаны 14 января 1969 года П. Карелиным, главным редактором Главной редакции художественной литературы Росглавиздата при Совете Министров РСФСР⁵. В издательстве не ожидали такого оборота дела. Что же инкриминировалось Архангельскому издательству, вернее его редакторам, начальством из Москвы? То, что они плохо прочитали и не выполнили рекомендации рецензента В. Чалмаева и потому допустили грубую идеологическую ошибку, позволив автору искаженное освещение коллективизации и не заметив идеологического просчета. Подобное уже случалось с книгой К. Коничева «Так было», выпущенной в 1964 году тем же издательством. Картина коллективизации была признана в ней «искаженной, исторически ложной». Книга Белова, по мысли автора замечаний, «также, к сожалению, не свободна от подобного рода ошибок <...> В ней сделаны неверные оценки, дана односторонняя, путаная трактовка событий коллективизации». Видимо, в Москве считали, что лучше, чем Михаил Шолохов в «Поднятой целине», эти события не изобразить. Но в северной деревне коллективизация имела и свои особые черты. В.И. Белов в своих публицистических книгах позднее возвращался

⁴ ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 83. С. 210.

⁵ Замечания о редакции книги В. Белова от гл. редактора художественной литературы Росглавиздата от 14 января 1969 года (ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 97. С. 9–13).

к этому вопросу⁶. П. Карелин Белова и тех, кто способствовал выходу его книги, осуждал: «Коллективизация описана поверхностно, упрощенно, с точки зрения обиженного человека. Совершенно прав рецензент В. Чалмаев, утверждающий, что автор не поясняет эти субъективные суждения своего героя, не вносит ясности в сложный вопрос и остается на уровне “бытового осмысления истории”. Почему же ни редактор книги В.К. Лиханова, ни главный редактор издательства Т.Н. Трескина не прислушались к прямому и ясному совету рецензента – не писать столь бегло, торопливо, в спешке о сложных процессах тех лет, тем более что автор не дает верной и полной их картины. Справедливости ради надо сказать, что из рукописи были сняты по совету нашего рецензента фразы “Сталин колхозниками распоряжался как спичками”, “А Сталин и тут вывернулся”, но дальше этих механических сокращений дело не пошло». В.И. Белов, как отмечалось ранее, упорно отстаивал свою авторскую независимость и соглашался только на малосущественные поправки. П. Карелин продолжал: «Приходится пожалеть, что редактор не помог автору обогатить воспоминания своего героя рассказом о <...> хороших людях, истинных творцах великого, прогрессивного движения по социалистическому преобразованию деревни. Тогда картина этого движения была бы более полной и всесторонней, а Олёша Смолин стал бы выразителем народной совести, объективным судьей событий. Об идеологической глухоте, проявившейся при редактировании книги, свидетельствует и тот факт, что редактор издательства не разглядела неверных акцентов и чрезмерного сгущения черных красок в рассказе “Скакал казак” (входил в книгу вместе с «Плотничьими рассказами». – Л.В.), который мы сочли необходимым исключить из книги). Издательство получило предупреждение о непрофессионализме и политической близорукости и вынуждено было защищаться. С письмом в Росглавиздат обратился сам директор Б.С. Пономарёв, пытаясь смягчить инкриминированную издательству вину: «При редактировании рукописи В. Белова, автора несговорчивого и неуступчивого, В.К. Лиханова, в основном учтя замечания и советы рецензента Чалмаева, не добилась от В. Белова устране-

⁶ См., напр.: «Мало кому из молодых читателей известно о том, что колхозы были <...> и до колхозов. Об этих доколхозных колхозах наши историки говорят сквозь зубы, либо вообще помалкивают <...> Совсем неизвестен <...> совершенно странный момент коллективизации, когда колхозы и создавались и разрушались одновременно. Одни и те же силы загоняли в колхоз и в то же время не пускали в колхоз. Тысячи крестьянских семей очутились в безвыходном положении. И в одиночниках оставаться нельзя и в колхоз не пускают <...> Крестьянство примирилось с перегибами 30-х годов, вернее, приспособилось к новым условиям: жить-то надо. Даже сосланные и раскулаченные как-то приновились на новых местах и вновь без обиды обратились к земле-кормилице» [1, с. 5–13].

ния тех просчетов, которые допущены им при работе над повестью, и не настояла на более углубленной разработке всех вопросов, затронутых в “Плотничьих рассказах”». Далее Б.С. Пономарёв останавливается на особенностях подготовки книги Белова к печати и находит оправдания для себя и своих редакторов: «В. Белов с большим опозданием представил рукопись в издательство. Около трех месяцев она находилась в Росглавиздате на рецензировании. Вернулась рукопись в издательство 27 августа. После доработки автор возвратил ее лишь 4 октября 1968 года. Времени было в обрез. Полагаясь на то, что “Плотничьи рассказы” опубликованы в июльском номере журнала “Новый мир”, мы не вынесли рукопись после доработки ее автором на обсуждение секции художественной литературы редакционного Совета. Я, как директор, поступил неправильно, не прочитав острую рукопись В. Белова вслед за старшим редактором В.К. Лихановой и главным редактором Т.Н. Трескиной <...> Руководство издательства принимает меры к тому, чтобы повысить личную ответственность редакторов за подготовку рукописей, за идейное содержание и литературное редактирование всех изданий»⁷. После этого случая внимание к изданиям произведений вологжан внимание стало особо пристальным. Справедливыми были претензии к Архангельскому издательству у Ольги Фокиной, Виктора Коротаева, Леонида Беляева, Николая Рубцова, Александра Романова и других выдающихся вологодских литераторов за задержку сроков выхода книг и почти обязательное контрольное рецензирование в Комитете по печати, но Северо-Западное книжное издательство больше не могло позволить себе просчетов и не торопилось работать с рукописями из Вологды. А между тем В.К. Лиханова, редактор книги Василия Белова, тоже написала пространную объяснительную записку. В ней говорилось: «Рукопись “Плотничьи рассказы” В. Белова посылалась в Комитет по печати по инициативе издательства и посылалась именно потому, что она вызвала серьезные сомнения у редакции художественной литературы при знакомстве с нею <...> Это нам было особенно необходимо, так как мы учитывали авторскую несговорчивость В. Белова <...> Наши требования, предъявляемые к автору, были в том же плане, что и требования рецензента Чалмаева <...> Мы предложили автору также отказаться от концовки иовести, недостаточно мотивированной и потому художественно неубедительной, которая и была снята из рукописи <...> Но вкладывать в уста Олёши глубоко и всесторонне осмысленный анализ событий тех лет вряд ли было бы правомерно – это противоречило бы логике характера <...> Все конкретные предложения

⁷ Ответ на замечания по редактированию книги Василия Белова от директора СЗКИ Б.С. Пономарёва от 24 января 1969 года (ГААО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 97. С. 1–2).

рецензента Чалмаева были в основном учтены мною и автором при подготовке рукописи к изданию»⁸. После получения этих документов в Комитете по печати, видимо, решили не усугублять ситуацию и принять объяснения и удовлетвориться извинениями Северо-Западного книжного издательства. Вера Лиханова еще долго работала на благо литературы и имела репутацию хорошего редактора. Книга В.И. Белова получила хорошие отзывы критиков и признание читателей [2, с. 41–43]. Неуступчивый автор Василий Белов в своих «Плотничьих рассказах» только приступил к детальной и эпической разработке темы вологодской деревни 20–30-х годов прошлого века, которую и довел до блестящего в художественном плане результата в романах «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый».

Литература

1. Белов, В.И. Ремесло отчуждения / В.И. Белов. – М.: Сов. Россия, 1988
2. Василий Иванович Белов. Библиографический указатель. – Вологда: ВОУНБ им. И.В. Бабушкина, 1982.
3. Романов, А.А. Версты раздумий / А.А. Романов. – Архангельск: Северо-Западное книжн. издательство, 1983.

Н.М. Кузина
г. Вологда

ФУНКЦИИ ОБРАЗА ГАРМОНИ В РАССКАЗЕ В.И. БЕЛОВА «ЕРШОВ – ГАРМОННЫЙ МАСТЕР»

Художественная реальность способна наделять разные вещи особыми смыслами. «В художественно функционирующих текстах внимание приковано к тем элементам, которые в иных случаях воспринимаются автоматически и сознанием не фиксируются» [3]. Этим свойством обладает и предметный мир – совокупность материальных объектов во внутреннем мире произведения, располагающаяся в художественном пространстве и существующая в художественном времени, а также образующая среду существования персонажей.

«Предметы и явления окружающего нас мира попадают в мир художественного произведения как носители тех или иных смыслов, тех или иных качеств и свойств...» [5, с. 280]. Предмет в художественном произведении

⁸ Объяснительная по замечаниям Главной редакции художественной литературы о редактуре книги Белова от ст. редактора Лихановой от 24 января 1969 года (ГААО. Ф. 1099. Он. 1. Д. 97. С. 3–7).